

САША АРАНГО

ПРАВДА
И ДРУГАЯ ЛОЖЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)
А79

Серия «Психологический триллер»

Sascha Arango

DIE WAHRHEIT UND DIE ANDERE LUGEN

Перевод с немецкого *А.Н. Анваера*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства C. Bertelsmann Verlag,
a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, Munchen,
Germany и литературного агентства Prava I Prevodi
International Literary Agency.

Аранго, Саша.

А79 Правда и другая ложь : [роман] / Саша
Аранго ; [пер. с нем. А.Н. Анваера]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. —
(Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-107692-4

Казалось бы, жизнь Генри Хайдена вполне уда-
лась: он — знаменитый писатель, у него полно денег,
прекрасный дом и верная, любящая жена. Но никто не
знает, что и у Генри есть свои секреты... Охраняя их,
он ловко лавирует между правдой и ложью, и поначалу
ему везет. Однако в какой-то момент все начинает идти
не так, и Генри совершает фатальную ошибку, которую
невозможно исправить...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

© 2014 by C. Bertelsmann Verlag, Munchen,
a division of Verlagsgruppe Random House
GmbH, Munchen, Germany

© Перевод. А.Н. Анваер, 2014

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107692-4

1

Плохо дело. Одного взгляда на картинку оказалось достаточно, чтобы мрачные предчувствия последних месяцев подтвердились. Был четко виден скрюченный эмбрион, похожий на головастика. Один выпученный глаз смотрел прямо на него. А это что? Нога или щупальце на хвосте дракона?

Моменты полной уверенности случаются в жизни довольно редко. Но в этот миг Генри отчетливо увидел будущее. Этот головастик будет расти и в конце концов станет личностью. Он будет иметь право задавать вопросы и когда-нибудь узнает все, что должен знать человек.

На глянцевом ультразвуковом изображении размером не больше почтовой открытки справа от эмбриона виднелась вертикальная шкала оттенков серого цвета, слева столбик букв, а сверху дата, фамилия матери и фамилия врача. Генри ни на секунду не усомнился в подлинности этой картинки.

Бетти сидела за рулем и нервно курила. Скопив глаза, она увидела выступившие на глазах

Генри слезы и ласково провела пальцами по его щеке. Ей показалось, что это слезы радости. Но на самом деле он сейчас подумал о своей жене Марте. Почему она не смогла родить ему ребенка? Почему он вообще сидит сейчас в машине с этой женщиной?

Генри презирал себя, испытывая нестерпимый стыд. Ему было почти физически плохо. Его девизом до сих пор было: жизнь дает тебе все. Но не сразу.

Полдень миновал. Со стороны прибрежных скал доносился ровный рокот прибоя. Ветер гнул высокую траву, шелестел о стекла зеленой «Субару». Генри подумал, что сейчас ему надо завести мотор, вдавить в пол педаль газа и, перемахнув через скалу, рухнуть в волны прибоя. Через пять секунд все будет кончено. Падение с высоты убьет всех троих. Правда, для этого надо встать, чтобы поменяться местами с Бетти, а это трудно, очень трудно.

— Что скажешь?

Что он мог сказать? Дело и в самом деле дрянь. Этот плод в матке уже наверняка шевелится, и Генри был достаточно искушен в жизни, чтобы понимать: не надо говорить, когда нечего сказать.

За все годы их знакомства Бетти видела Генри плачущим всего один раз. Это было в тот день, когда в колледже Смита в Массачусетсе ему вручали диплом почетного доктора. До этого она думала, что он вообще не умеет плакать. В тот торжественный момент Генри сидел в первом ряду и плакал, думая о жене.

Бетти перегнулась через рычаг коробки передач и обняла Генри, прислушиваясь к его дыханию. Потом он открыл дверь и поставил ноги на траву. Он представил себе лазанью, которую сегодня днем приготовил Марте. Как эта лазанья была похожа на эмбрион. Генри едва не поперхнулся от этой мысли и судорожно закашлялся.

Бетти сбросила туфли, выпрыгнула из машины, обежала ее, вытащила Генри из салона и обняла его так, что он явственно ощутил вкус лазаньи в горле и в носу. Это просто феноменально, как Бетти умеет инстинктивно делать правильные вещи. Они, обнявшись, стояли возле машины, а в воздухе носились брызги приборя.

— Теперь говори. Что мы станем делать?

На это мог быть единственный правильный ответ: дорогая, добром все это не кончится. Но такой ответ чреват неприятными последствиями. Их отношения изменятся, или он вовсе ее потеряет. Каяться будет поздно и бесполезно. Да и кто хочет по доброй воле отказываться от приятных удобств?

— Я поеду домой и все расскажу жене.

— Правда?

По лицу Бетти Генри понял, что она озадачена, да и он сам поразился своим словам. Зачем он их произнес? Генри никогда не был расположен к излишествам, рассказывать все совершенно необязательно.

— Что ты имеешь в виду под словом «все»?

— Все, я просто расскажу ей все. Довольно этой лжи.

— Но если она тебя простит?

— Интересно, как она сможет меня простить?

— А ребенок?

— Надеюсь, это будет девочка.

Бетти снова обняла Генри и поцеловала его в губы.

— Генри, иногда ты бываешь просто великолепен.

Да, иногда он мог быть великолепен. Сейчас он поедет домой и, отбросив ложь, заменит ее правдой. Он наконец все расскажет Марте, все без прикрас и со всеми неприятными подробностями. Ну не со всеми, конечно, а с самыми важными. Придется резать по живому, будут слезы, боль. Собственно, больно будет и ему. Настанет конец доверию и гармонии, царившей между ним и Мартой, но это станет и *освобождением*. Он перестанет быть бесчестным негодяем и испытывать вечный ужасный стыд. Правду надо предпочесть украшательству, а дальше будет видно.

Он обнял Бетти за стройную талию. В траве лежал большой камень. Пожалуй, этим камнем можно убить. Стоит только нагнуться и поднять его.

— Идем, садись в машину.

Он сел за руль и включил зажигание. Вместо того чтобы направить автомобиль на скалы, он немного сдал назад. Потом он часто думал, что это была его главная ошибка.

Вымощенная бетонными плитами дорога едва заметно вилась через густую сосновую рощу, ведя от скал к лесной дороге, где стояла машина Генри, почти скрытая низко свисавшими ветвями. Бетти опустила стекло, закурила очередную ментоловую сигарету и глубоко затянулась ароматным дымом.

— Она ничего с собой не сделает?

— Надеюсь, что нет.

— Как она отреагирует? Ты скажешь ей, что это я?

«Что ты что?» — подумалось ему, и Генри едва не сказал это вслух.

— Скажу, если она спросит, — ответил он вместо того.

Конечно, Марта спросит. Любой человек, узнав, что его методично обманывали много лет, захочет узнать, почему, как долго и с кем. Это нормально. Обман — это загадка, которую всегда хочется разгадать.

Бетти положила руку с сигаретой на бедро Генри.

— Дорогой, нам стоит все хорошенько обдумать. Мы действительно оба хотим ребенка, или как?

Это Генри знал точно. Конечно, он не хотел ребенка и уж, конечно, не от Бетти. Она — его любовница, и она никогда не станет хорошей матерью, нет у нее к этому склонности, Бетти слишком много внимания уделяет себе. Совместный ребенок даст ей неограниченную власть над Генри. Она сбросит маску и начнет давить на

него, выжимая для себя все, что можно. Генри давно носился с мыслью сделать операцию стерилизации, но что-то его удерживало. Вероятно, он все же не терял надежды, что ребенок родится у них с Мартой.

— Он уже сам захотел появиться, — произнес он.

Бетти улыбнулась, хотя ее губы дрожали. Генри взял верный тон.

— Надеюсь, это будет девочка, — повторил он.

Они вышли из машины и снова поменялись местами. Бетти села за руль, машинально отжала сцепление и подергала рычаг переключения передач.

«Он явно не обрадован», — подумала она. Но можно ли требовать радости от мужчины, который наконец решился круто изменить жизнь и разрушить свой брак? Несмотря на многолетнюю связь, Бетти плохо знала Генри, но была уверена в одном — он не предназначен для семейной жизни.

«Она не может на это рассчитывать, — думал в это время сам Генри. — Бетти не может рассчитывать, что ради нее я поступлюсь всем». Он не имел ни малейшего желания менять свое уютное уединение на семейную жизнь. К этому он был не готов. После предстоявшей исповеди Марте начнется что-то совершенно новое. Придется изрядно поработать над тем, чтобы стать другим Генри — Генри, живущим исключительно для

Бетти. От одной этой мысли ему становилось нехорошо.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Генри кивнул:

— Ты можешь бросить курить.

Бетти затаилась и щелчком стряхнула с сигареты пепел.

— Это будет ужасно трудно.

— Да, это будет трудно. Я позвоню тебе после разговора с женой.

Она включила первую передачу.

— Как продвигается роман?

— Осталось совсем немного. — Генри наклонился к открытой двери. — Ты кому-нибудь говорила о наших отношениях?

— Абсолютно никому, — ответила Бетти.

— Это мой ребенок, не так ли? Я хочу сказать, что он на самом деле есть и родится?

— Да, это твой ребенок, и он родится.

Бетти потянулась к нему полуоткрытыми губами для поцелуя. Генри неохотно наклонился и поцеловал ее. Она просунула ему в рот свой язык, похожий на гладкий, со стершейся резьбой, болт. Выпрямившись, Генри закрыл дверь «Субару». Бетти поехала по лесной дороге к шоссе. Некоторое время он смотрел ей вслед, пока машина не исчезла за деревьями. Потом наклонился и подобрал в траве свою недокурную сигарету. Генри верил Бетти. Она не лгала, для этого у нее не хватило бы воображения и фантазии. Она была красива, молода и спортивна, выглядела намного элегантнее Марты. И хотя Бетти

была не так умна, как Марта, она отличалась тем не менее чрезвычайной практичностью. Теперь она от него забеременела. Генри знал это без всякого анализа на отцовство.

Холодный прагматизм Бетти импонировал Генри с их первой встречи. Если ей что-то нравилось, она просто это брала. Она была остроумна, обладала стройными ножками, веснушками на круглых, как апельсины, грудях, зелеными глазами и выщипавшимися светлыми волосами. На первом свидании она была одета в платье с изображением какого-то грозного зверя.

Роман начался сразу, с первой встречи. Генри не пришлось напрягаться, выставляться, ухаживать; ему вообще не пришлось ничего делать, потому что Бетти считала его гением. Поэтому ей несколько не мешал тот факт, что он был женат и не хотел детей. Ничего страшного, это был всего лишь вопрос времени. Она давно ждала такого, как Генри, — Бетти говорила об этом вполне откровенно. По ее мнению, большинству мужчин не хватает величия. Один Бог знал, правда, что она имела в виду.

Между тем Бетти была главным редактором издательского дома Мореани. Начинала она помощником в отделе книжной торговли, но считала, что эта работа не соответствует ее квалификации выпускницы литературного факультета. Семинары были невероятно скучны, и Бетти раскаивалась в том, что не послушалась родителей и не пошла на юридический факультет. Но,

несмотря на квалификацию, профессиональный рост задерживался, так как в издательстве не было подходящих вакансий. Во время обеденных перерывов она ходила по редакциям, чтобы взять там что-нибудь почитать. Однажды Бетти просто со скуки взяла из стопки присланных, но нево-стребованных рукописей какой-то текст Генри, чтобы было что почитать в столовой. Генри по-слал в издательство текст как книгу, без всяких комментариев и сопроводительного письма, чтобы сэкономить на почтовых расходах. Впро-чем, Генри был тогда очень стеснен в средствах.

Бетти прочитала тридцать страниц и забыла о еде. Она вышла из столовой и поднялась на чет-вертый этаж, в кабинет основателя издательства Клауса Мореани, где бесцеремонно вырвала его из послеобеденной дремоты. Через четыре часа Мореани лично звонил Генри.

— Добрый день, это Клаус Мореани.

— В самом деле? Святые небеса!

— Вы написали нечто чудесное, на самом деле чудесное. Вы никому не продали права?

Генри их не продал. Первый роман, «Фрэнк Эллис», разошелся по миру в десяти миллионах экземпляров. Это был настоящий триллер — в нем было много насилия и мало миролюбия, — история аутиста, который стал полицейским, чтобы найти убийцу своей сестры. Первые сто тысяч экземпляров были распроданы и навер-няка прочитаны в течение одного месяца. При-быль от романа избавила издательство Море-ани от банкротства. Сегодня, восемь лет спустя,

Генри считался автором бестселлеров. Его романы были переведены на двадцать языков, он стал лауреатом множества премий и бог знает чего еще. За это время в издательстве вышли пять романов Генри. Все они были экранизированы и поставлены в театре. «Фрэнк Эллис» даже включили в школьную программу по литературе. Генри стал живым классиком. Все это время он оставался мужем Марты.

Кроме него самого, только она знала, что во всех этих романах Генри не написал ни строчки.

2

Генри часто задумывался о том, как бы прошла его жизнь, не встретить он Марту. На этот вопрос он всегда давал один и тот же ответ: его жизнь осталась бы такой же, какой была до встречи с Мартой. Он остался бы совершенно незаметной личностью, не достиг бы ни благополучия, ни свободы, не ездил бы на итальянской спортивной машине, и никто в мире не знал бы его имени. Здесь Генри был перед собой абсолютно честен. Он остался бы никем — вещью для себя. Конечно, борьба за существование закаляет, недостаток вещей придает им ценность; деньги теряют свою значимость, когда их становится в избытке. Но разве скука и пресыщенность не достаточно приемлемая цена за благосостояние и роскошь, и разве скучать и ныть в богатстве — это не лучше, чем страдать от голода и плохих зубов? Не обязательно быть известным для того,

чтобы стать счастливым, к тому же популярность часто путают со значительностью, но с тех пор как Генри вынырнул из тьмы безвестности на свет славы и популярности, он стал чувствовать себя намного комфортнее, чем раньше. Уже несколько лет он был озабочен исключительно сохранением статус-кво. Добиваться большего не стоило. Он оставался реалистом, хотя это и было скучно. Рукопись «Фрэнка Эллиса» стала случайной находкой. Генри обнаружил ее, завернутую в кулинарную бумагу, под чужой кроватью, когда, морщась от пульсирующей боли в левом виске, искал под кроватью пропавший куда-то левый носок. Следовало еще посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться в чужой квартире. Женщину, лежавшую рядом с ним, он видел первый раз в жизни и не испытывал ни малейшего желания с ней знакомиться. Он видел ее только от ступней до поросшего шелковистыми каштановыми волосами лобка. Печка остыла, в комнате было темно, пахло пылью и нехорошим дыханием. Пора было уходить.

Генри мучился от нестерпимой жажды — накануне он много выпил. Что ж, вчера ему исполнилось тридцать шесть. Никто его не поздравил. Да и кто бы мог это сделать? У такого бродяги, как он, не бывает настоящих друзей, а родители давно умерли.

У него не имелось ни своей квартиры, ни стабильного дохода, ни представления о том, что будет дальше. Да и зачем об этом думать? Будущее скрывается во мраке неизвестности; тот, кто го-

ворит, что знает его, — лжец. Прошлое — это зыбкие воспоминания и сочинительство; истинно лишь настоящее, оно дает нам шанс, а потом исчезает, становясь прошлым. Гораздо больше, чем неизвестность, Генри мучили мысли о совести. Чтобы узнать о будущем, надо знать, что скажут о нем на его могиле. Что можно ждать от смерти и разложения? С этой точки зрения Генри рассматривал свою жизнь как сложный процесс, судить о котором будут только после его смерти. Но тому, кто не оставил после себя ничего, не надо волноваться о приговоре.

Молчание противоречит человеческой природе. Этим предложением начиналась рукопись Марты. «Такую фразу мог бы сочинить и я сам», — подумалось Генри. Она была очень меткой, верной и одновременно простой. Он прочел следующее предложение, потом еще одно и забыл о левом носке. Он не ушел, даже не стал искать мелочь или что-нибудь ценное, чтобы купить себе еды.

С первого предложения ему показалось, что изложенная на бумаге история очень похожа на историю его собственной жизни. Генри залпом прочитал всю рукопись, тихо переворачивая страницы, чтобы не разбудить похрапывающую рядом женщину. В плотном тексте не было ни одного исправления, ни опечаток, насколько он мог судить, ни одной лишней или недостающей запятой. Время от времени Генри отвлекался от чтения, чтобы рассмотреть спавшую женщину. Не встречались ли они раньше? Как, собственно говоря, ее звали? Называла ли она вообще свое

имя? Женщина была неброской, с изящными руками и ногами и длинными ресницами, прикрывавшими закрытые глаза.

Когда после полудня Марта проснулась, Генри успел затопить печь, починить текущий кран, укрепить душ в ванной, убраться на кухне и пожарить яичницу. Он смазал стоявшую на кухонном столе пишущую машинку, а погнутый литерный рычаг разогнул на огне газовой плиты. Рукопись, завернутая в бумагу, снова лежала на своем прежнем месте. Сидя за столом, Марта с аппетитом уплетала яичницу.

Он предложил ей жить вместе. Марта ничего не ответила, что Генри расценил как согласие.

Они провели вместе весь день. Марта рассказала Генри, как он вел себя в предыдущую ночь, как жаловался, что ничего из себя не представляет. Генри понимал, что это правда, хотя сам ничего не помнил.

Вечером они ели мороженое и гуляли в ботаническом саду. Генри рассказывал о себе. Он говорил о своем детстве, которое закончилось после того, как мать исчезла неизвестно куда, а отец свалился с лестницы. О годах, проведенных в детском приюте, Генри предпочел умолчать.

Марта слушала его, не перебивая и ни о чем не спрашивая. Когда они шли по оранжерее тропических растений, она взяла его за руку и даже положила голову ему на плечо. До тех пор Генри